

Захотелось лисичке медом полакомиться. Все она мясо одно ест, а сладенького-то и нет.

— Пойти бы, — говорит, — к пчелам, что ли, похозяйничать.

Пришла на пасеку, да так это удобненько перед ульем уселась и лапу туда засунула, чтобы медку достать. А пчелам это не понравилось: как вылетят они из улья, как нападут на лисичку!.. Ух, как бросится она с пасеки! Бежит, только носом крутит да на пчел жалуется.

— Ой, боже мой! какой мед сладенький, а пчелы какие ж горькие!

Прибежала домой. Вся морда распухла, лежит. Лежала-лежала, думала-думала, а меду так хочется.

— Пойду, — говорит, — к медведю. Попрошусь к нему жить, у него меду много. Приходит.

— Братец медведь, а что я тебе скажу? А тот только урчит. А лисичка:

— Да не урчи ты так страшно, братец медведь, а то я еще испугаюсь... Давай жить вместе, я тебе за хозяйку буду.

— Давай! — говорит медведь. Вот и стали они жить вместе.

Медведь пойдет на добычу, принесет говядинки — и себе хватает и лисичке. А той все меду хочется.

— Сходи да сходи, старик, на пасеку, принеси меду! Нечего делать, принес медведь меду, целых два улья приволок.

— Вот, — говорит, — из одного съедим, а другой на зиму спрячем.

Ели-ели и спустя некоторое время весь мед и съели. А другой улей на чердак спрятали. Медведь не торопится, а лисичке очень уж хочется. Думала-думала, как бы это из второго улья полакомиться. Пошла бы, да медведь тотчас спросит — куда да зачем. Вот лежит она и стук-стук хвостом по стене. Медведь спрашивает:

— Что там стучит?

— Да это стучат, в кумы меня приглашают.

— Ну и ступай; а я посплю.

Пошла она и сразу на чердак, да к тому улью, и наелась, сколько хотелось. Потом возвращается. Проснулся медведь:

— Ну, как твоего крестника назвали?

— Да Починочком.

— Какое чудное имя!

— Да уж какое поп дал. Какое ж там чудное!

— Ну, ладно.

На другой день опять лежит и стук-стук по стене хвостом.

Медведь спрашивает:

— Что это стучит?

— Да это меня в кумы приглашают.

— Ну так ступай, а я посплю. Пошла она и опять к тому улью, а в нем мало осталось. Возвращается, а медведь проснулся и спрашивает:

— Ну, как же твоего крестника назвали?

— Да Серединкою. А медведь:

— Вот какие ж у твоих крестников все имена чудные! А лисица:

— Да что ты, старик, придумываешь? Как же так чудные, ежели и святая Середа имеется.

— Может, и правда, — говорит медведь. На третий день опять лежит она и стук-стук хвостом по стене. А медведь:

— Кто это стучит да стучит?

— Да это меня в кумы зовут.

— Ой, да как же тебя часто в кумы зовут! — говорит медведь.

— Э-э, старик, меня ведь люди-то любят.

— Ну, так ступай!

Пошла, весь мед съела, еще и улей опрокинула и вылизала.

Потом прибежала, легла и лежит. Медведь спрашивает:

— Ну, как же твоего крестника звать?

— Да как? Переверни да вылижи.

— Во-от, да такого имени еще и на свете не бывало! — Что ты, старичина, выдумываешь? Ты по крайней мере, что знаешь?

— Ну, пускай будет по-твоему!

Вот немного погодя медведь и говорит:

— А пора бы уж и медком полакомиться! Полез на чердак, а улей порожний.

— Лисичка-сестричка, это ты съела?

— Нет, не я!

— Нет, ты!

— Да чтоб мне и вчерашнего дня не прожить, коли я съела!

— Врешь, лисичка, это ты не крестников крестила, а мед ела. Теперь я тебя съем!

И к ней, а она от него в лес, да и убежала.